

остального. Сильная сторона г. Салова—это вѣрное, живое изображение сценъ и лицъ, близко ему знакомыхъ. Онъ не создалъ ни одной типической фигуры, но прибавилъ нѣсколько хорошихъ портретовъ къ той галереѣ „героевъ нашего времени“, основаніе которой положено еще Гоголемъ и расширено, сообразно съ новыми требованіями жизни, г. Салтыковымъ. Особенно облюбованъ г. Саловымъ сельскій кулакъ послѣдней формаціи, выводимый на сцену и въ „Мельницѣ купца Чесалкина“ (самъ Чесалкинъ), и въ „Грызунахъ“ (Требухинъ), и въ „Аспидѣ“ (Глововъ), и въ „Арендаторѣ“ (Уховертовъ), и въ „Разбитой жизни“ (Бузыкинъ, Блиновъ). До извѣстной степени они всѣ напоминаютъ шедринскихъ „столповъ“, но это вовсе не вина г. Салова; когда характеристическія черты типа схвачены такъ мѣтко и освѣщены такъ ярко, какъ это сдѣлано нашимъ сатирикомъ, сходства съ ними, въ дальнѣйшемъ развитіи той же тѣмы, избѣжать трудно, почти невозможно. Это не должно останавливать изслѣдователя; мастерское описаніе вида не дѣлаетъ излишнимъ изученіе разновидностей. Кулаки г. Салова не повторяютъ ни своихъ первообразовъ, ни другъ друга. Если Требухинъ и Глововъ—родные братья Дерунова, то Уховертовъ и Бузыкинъ—только отдаленные родственники его. Уховертовъ—это своего рода „кандидатъ въ столпы“, не развернувшійся еще вполне, не вовсе утратившій совѣсть, способный разжалобиться горемъ обманутаго имъ человѣка и удѣлить ему малую толику изъ отнятой у него же добычи. Онъ похожъ на того разбойника, который, отобравъ у бабы корову и подоиникъ, милостиво возвращаетъ ей подоиникъ, а себѣ оставляетъ только корову. Бузыкинъ—это кулакъ-неудачникъ, кулакъ-расточитель и кутила, готовый пуститься во всѣ тяжкія, но не умѣющій взяться за дѣло и бросающій одной рукою то, что вытаскивалъ другою изъ чужого кармана. Въ перемежку съ кулаками проходятъ передъ нами другіе представители современной деревни: помѣщики, полуразорившіеся и вовсе разорившіеся, мировые судьи—формалистъ и душевный человѣкъ, управляющій—грабитель высшей школы, вѣчно подпившая деревенская интеллигенція, окончательно спившійся съ кругу купеческій братъ, и т. д. Разсказываетъ г. Саловъ просто, безъ ненужныхъ отступленій, безъ претензій; описаніями онъ не злоупотребляетъ, отъ крайностей реализма онъ свободенъ, хотя несомнѣнно черпаетъ матеріалъ изъ дѣйствительности и близко держится ея. Въ его талантѣ есть и юмористическая жилка, особенно замѣтная въ „Грачевскомъ крокодилѣ“. Еслибы не нѣкоторая растянутасть, мы назвали бы этотъ разсказъ лучшимъ изъ всѣхъ, вошедшихъ въ составъ настоящаго изданія. Завязка его черезчуръ смахиваетъ на анекдотъ; но Анфиса Ивановна, отецъ Иванъ, учитель Знаменскій,